

Внешиполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы

Д.В. Стрельцов

В статье дается анализ внутренних факторов формирования российского внешнеполитического курса в отношении Японии. Функционирование системы принятия решений в этой сфере рассматривается в разрезе той роли, какую играют различные субъекты внешнеполитического процесса, а также точек зрения, имеющихсЯ в современной России по развитию отношений с этой страной.

Ключевые слова: Япония, внешнеполитический курс, президент, Министерство иностранных дел, группы влияния, парламентские связи, стереотипы, политический истеблишмент.

Правовые, институциональные и общественно-политические факторы формирования российской внешней политики на японском направлении

В конституционно-правовом отношении Российская Федерация является президентской республикой. Конституция Российской Федерации закрепляет за президентом исключительные полномочия в сфере принятия решений, связанных с внешнеполитической деятельностью государства. Хотя в Основном законе обозначены и другие субъекты, принимающие участие в определении и реализации внешней политики России (народ России, субъекты Российской Федерации и др.), глава государства обладает в этой области наиболее широкими властными прерогативами. Согласно п.3 ст.80 Конституции РФ ее президент не только определяет «основные направления внутренней и внешней политики», но и сам ею руководит. Особая роль президентской власти в механизме принятия внешнеполитических решений вытекает также из того факта, что, согласно ст.113 Конституции РФ, президент определяет основные направления деятельности правительства и организацию его работы. Это обстоятельство позволяет ему давать прямые указания отдельным ведомствам, включая Министерство иностранных дел, и просто спускать сверху директивы и решения для исполнения.

В рутине повседневной работы президент РФ черпает информацию из самых разных источников. Право прямого доклада, в том числе по международным вопросам, имеют ключевые министры: иностранных дел, обороны, внутренних дел, руководители Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности, Главного разведывательного

управления Министерства обороны и т.д. При определенных обстоятельствах решающее воздействие на выбор президента может оказывать также Управление по внешней политике Администрации Президента. Важным консультативно-вспомогательным органом президента является Совет безопасности, в состав которого входят все ключевые министры российского правительства.

Имеется также ряд неформальных каналов влияния на гаранта Конституции, проявляющихся посредством отдельных группировок, которые условно можно назвать «группами давления». Процессу концентрации власти в руках указанных групп способствовали два ключевых фактора: сильная концентрация власти президента, с одной стороны, и правовая неурегулированность вопросов разделения полномочий между отдельными субъектами внешнеполитической деятельности – с другой.

В условиях множественности центров влияния на президента обращает на себя внимание отсутствие единого координационного центра, который бы оказывал главе государства реальную помощь в подготовке внешнеполитических решений. Российский президент, в конечном счете, доверяется собственным представлениям и ощущениям, для того чтобы сделать тот или иной выбор, связанный с действиями государства на мировой арене.

В подходе российского президента к развитию взаимных отношений с Японией лежат прагматические соображения, основанные на трезвой оценке реальных возможностей России. Они заключаются в том, что дальневосточный сосед России является для нее крупным внешним источником роста, а, следовательно, политическое сближение с Токио должно служить целям экономического подъема отдаленных российских окраин, разработки природных ресурсов, решения социальных задач (обеспечение занятости, повышение жизненного уровня населения и т.д.).

В вопросе об институциональных факторах формирования японского направления российского внешнеполитического курса большой интерес представляет субъектная роль российского правительства в целом и отдельных министерств и ведомств. В Конституции РФ имеется лишь одна строка о том, что правительство «осуществляет меры по реализации внешней политики». В то же время, по традиции, глава российского правительства в основном занимается только вопросами внутренней и экономической политики и достаточно редко принимает самостоятельные решения во внешнеполитической сфере. Единственное упоминание об особой миссии главы кабинета имеется только в Законе «О международных договорах Российской Федерации», согласно которому «Председатель Правительства Российской Федерации как глава Правительства и министр иностранных дел Российской Федерации в силу своих функций и в соответствии с международным правом ведут переговоры и подписывают международные договоры Российской Федерации без необходимости предъявления полномочий» [7].

Различные аспекты отношений с Японией попадают в той или иной степени в сферу компетенции следующих ведомств: Министерство иностранных дел (общие и политические вопросы двусторонних отношений); Министерство экономического развития (торгово-экономические отношения, инвестиционное сотрудничество, вопросы тарифной политики); Государственный комитет по рыболовству и Федеральная пограничная служба (вопросы

защиты российских границ и морских ресурсов от посягательств со стороны иностранных браконьеров, проблема квот на вылов рыбы в российских территориальных водах) и ряд других министерств и ведомств. Японское направление работы оказывается достаточно значимым для таких ведомств, как Российское космическое агентство, Министерство атомной энергетики, Министерство природных ресурсов и экологии, Министерство транспорта, Министерство по развитию Дальнего Востока и др.

Головным ведомством, курирующим политические вопросы наших отношений с Японией, является Министерство иностранных дел. Следует отметить, что на различных исторических этапах в подходах мидовской и президентской дипломатии проявлялись определенные различия. Российский МИД проявляет тенденцию к тому, чтобы быть более сдержанным, приземленным и консервативным, следуя на полшага позади президента. Вопрос о том, насколько велика свобода маневра, которой обладает руководство МИД, зависит от целого ряда факторов: политического веса и авторитета министра иностранных дел, его личных взаимоотношений с президентом, внутренних организационно-структурных и экспертно-аналитических возможностей самого МИД, интересов прочих ведомств и частного бизнеса, наконец, политической значимости этих проблем с точки зрения внутренней ситуации в России.

Сложным является вопрос о внутренних возможностях российского МИД с точки зрения всесторонней проработки и подготовки политических решений. В рамках действующей доктрины государственного управления основная функция российского МИД заключается в непосредственной реализации утвержденного Президентом РФ внешнеполитического курса. Кроме того, МИД координирует внешнеполитическую деятельность федеральных органов исполнительной власти и контролирует ее в соответствии с Указом Президента РФ от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Вместе с тем МИД не наделяется особой компетенцией во внешнеполитической области и, таким образом, занимает положение «первого среди равных» по отношению к прочим российским ведомствам. В реальности его роль зачастую сводится к решению второстепенных или технических вопросов.

Организационно-политические ресурсы российского МИД крайне ограничены. Если брать японское направление, в глаза бросается отсутствие в его составе экспертно-аналитических структур, позволяющих обеспечивать «мозговую атаку» на проблемы отношений с этой страной с общегосударственных позиций, недостаток стратегического видения большинства проблем, возникающих в отношениях с Токио. В профильных структурах МИД на среднем уровне наблюдается недостаток узких специалистов-страноведов, «страновиков», хорошо разбирающихся во всех тонкостях и «подводных камнях» отношений с Японией. Работа персонала центрального аппарата МИД связана главным образом с решением рутинных вопросов управления: оформлением различного рода нормативно-правовых документов, подготовкой рабочих встреч руководства, написанием справок, записок, отчетов и т.д. Превалирование протокольно-канцелярских функций не позволяет Министерству иностранных дел претендовать на роль политического локомотива и брать на себя инициативу в принятии прорывных решений.

Помимо МИДа, свое влияние на внешнеполитический курс России в отношении Японии могут оказывать также «силовые ведомства»: Министерство обороны, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки. С 1994 г. все министры-силовики находятся в непосредственном подчинении президента, регулярно (как правило, не реже одного раза в неделю) получают аудиенцию у последнего, имеют право внеочередного непосредственного доклада в острых и незапланированных ситуациях.

Неоднозначным является вопрос о том, насколько мнение отдельных групп влияния учитывается при принятии внешнеполитических решений на высшем уровне. Российский президент заинтересован в наличии определенных расхождений среди различных участников внешнеполитической деятельности, так как это предоставляет ему дополнительный властный ресурс, заключающийся в праве «быть выше» ведомственных и групповых интересов. Играет свою роль и то обстоятельство, что во главе угла одобренной Президентом РФ Концепции внешней политики лежит понятие взаимовыгодного прагматизма, а не абстрактные идеологические доктрины. Внешняя политика понимается как важный ресурс для реализации внутренних задач, прежде всего, в деле создания благоприятных условий для поступательного экономического развития России.

Что касается роли Совета безопасности в формулировании российского подхода к российско-японским отношениям, то существует определенное противоречие между официально провозглашенным целевым предназначением этого органа, которое заключается в подготовке решений Президента РФ в области обеспечения международной безопасности и ведения контроля их исполнения, и реальными возможностями для реализации поставленных перед ним задач. Совет безопасности так и не стал полноценным рабочим органом внешнеполитического планирования. С юридической точки зрения его решения не обязательны для исполнения и носят рекомендательный характер. Большую проблему представляет ограниченность ресурсов планирования, анализа, координации и контроля. Например, в составе Совета отсутствуют специализированные страноведческие структуры, позволяющие вести полноценную проработку проблем двусторонних отношений, а японское направление включено в компетенцию многопрофильного подразделения.

В целом следует заключить, что в России так и не сложилось эффективного межведомственного формата выработки, принятия и выполнения государственных решений по ключевым политическим, экономическим и военно-стратегическим вопросам, затрагивающим российско-японские отношения. Координацией внешней политики занимается российский МИД; вопросами внешнеполитической доктрины – Межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности; рассмотрением оперативных вопросов международной деятельности – МИД РФ, Минобороны, СВР и ряд других ведомств; оперативные вопросы, связанные с планированием и осуществлением мероприятий Президента РФ, решаются в Администрации Президента, в частности через Управление по вопросам внешней политики и Управление протокола Президента РФ. По этой причине институциональная основа формирования российско-японских отношений характеризуется относительной рыхлостью организационной базы, рассогласованностью деятельности органов исполнительной власти, ответственных за выработку и принятие решений.

Определенную роль в оформлении российского внешнеполитического курса в отношении Японии играет Федеральное собрание. Российские законодатели в рамках своих конституционных полномочий проводят обсуждение и анализ отдельных направлений государственной политики, ведут работу по правовому обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнению ею своих международных обязательств. Согласно Российской Конституции (ст. 106), Государственная Дума Российской Федерации обладает конечными полномочиями по ратификации международных договоров, решению вопросов войны и мира. Парламент может проводить слушания по острым международным проблемам, устанавливая контакты с законодательными собраниями зарубежных стран, проводить самостоятельную «парламентскую дипломатию», направляя за рубеж парламентские делегации и принимая у себя иностранных законодателей. На заседания парламентских комитетов и комиссий могут вызываться высокопоставленные представители министерств и ведомств, включая министров и директоров департаментов, представители средств массовой информации, академических кругов, бизнесмены и т.д. Если обсуждаемый вопрос имеет широкий общественный резонанс, процесс парламентских слушаний детально освещается средствами массовой информации.

В составе обеих палат российского парламента действует ряд депутатских организаций по связям с парламентскими ассамблеями отдельных зарубежных государств, ставящих своей целью развитие межпарламентских отношений. Имеется такая депутатская группа и по связям с парламентом Японии, возглавляемая в настоящее время депутатом М.В. Слипенчуком. В некоторых случаях парламентские связи перерастают характер рутинного обмена и приобретают форму заметных внешнеполитических акций, которые оказывают существенное влияние на состояние отношений с Японией.

Важным участником внешнеполитической деятельности в Российской Федерации является бизнес-сообщество. Что касается Японии, здесь интерес российского бизнеса в основном связан с надеждами на привлечение прямых инвестиций в самые разные отрасли экономики. Однако инвестиционные связи между двумя странами носят достаточно ограниченный характер, в результате чего ограничена и институционализация специфического японского компонента в экономических интересах российских деловых кругов.

Среди тех организаций деловых кругов, которые занимаются развитием экономических связей с Японией, следует выделить Российско-Японский деловой совет, возглавляемый президентом Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» А. Репиком. Целью Совета, учрежденного Торгово-промышленной палатой России, является оказание содействия российским предприятиям и организациям в поиске деловых партнеров на территории Японии, проработка конкретных проектов в области торговли и инвестиций, организация выставочных, конгрессных и других деловых мероприятий [5].

Другой специализированный орган по развитию деловых контактов двух стран – Российско-Японский комитет по экономическому сотрудничеству, учредителем которого является Российский совет промышленников и предпринимателей. Он был создан в апреле 1992 г. в результате преобразования Советско-японского комитета по экономическому сотрудничеству, учрежденного в 1965 г. одновременно с Японо-советским комитетом по

экономическому сотрудничеству на основе обменных писем между Торгово-промышленными палатами обеих стран. Председателем Комитета с российской стороны является президент РСПП А. Шохин.

Определенную роль в формировании российской политики в отношении Японии играет фактор общественного мнения. Сразу же после окончания холодной войны, когда было снято табу на массовое обсуждение международных вопросов, этот фактор, бесспорно, приобрел гораздо большее значение, чем это было в советскую эпоху. В целом в российском общественном мнении наблюдается определенное противоречие между благожелательным отношением к культурным и техническим достижениям Японии и негативной политической оценкой Японии, точнее, того положения, которое она занимает в мировой системе координат, а также значения двусторонних отношений для российских национальных интересов. В глазах большинства Япония представляется как страна, в лучшем случае, не имеющая собственной внешней политики, в худшем – как сателлит США и геополитический противник России. Российское общественное мнение относится к Японии все более настороженно, а все, что связано с этой страной, все чаще воспринимается через призму проблемы пресловутых «северных территорий».

В последние годы в связи с присоединением Японии в 2014 г. к антироссийским санкциям Запада россияне существенно ухудшили свое отношение к Стране восходящего солнца, которое традиционно было нейтрально-сдержанным. Так, если в мае 2008 г. основная часть (71 %) респондентов опроса, проведенного Левада-Центром, оценили отношения с Японией как «дружеские и нормальные», тогда как за вариант ответа «прохладные и враждебные» высказались 17 % опрошенных, то в сентябре 2014 г. это соотношение поменялось на 38 % и 55 % [2]. А в октябре 2015 г. 75 % опрошенных были уверены, что Япония, а также США, Германия и Великобритания, являются противниками России, «которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» [1].

Негативное отношение общественного мнения к позиции официального Токио учитывается в политических программах отдельных политических деятелей. Многие российские депутаты, и прежде всего представляющие регионы Сибири и Дальнего Востока, не могут игнорировать мнение избирателей по территориальному вопросу при выдвижении своей политической платформы, голосовании по отдельным парламентским резолюциям. К тому же результаты опросов общественного мнения оказывают определенное давление и на центральную власть, которая не может слишком явно и открыто идти в своих внешнеполитических действиях наперекор большинству граждан.

Вместе с тем возможность манипулирования общественным мнением с помощью средств массовой информации позволяет властям регулировать настроения граждан в политических целях, например, в период выборов, обеспечивая поддержку избирателями нужных депутатов. Можно говорить и о возможности откровенного игнорирования властью общественного мнения. В последние несколько лет также усилилась тенденция к прямому замалчиванию в российских СМИ содержания важных переговоров и консультаций на высшем уровне. Так, переговоры о судьбе мирного договора с Японией, возобновленные в

2013 г., идут за плотно закрытыми дверьми во многом по причине того, что затрагивают деликатные и щекотливые темы.

В контексте вопроса о факторе общественного мнения следует отметить, что определенное влияние на внешнеполитический процесс оказывают и различного рода научно-исследовательские организации, «мозговые центры» и иные аналитические структуры, представляющие собой альтернативу государственным органам внешнеполитического планирования: академические институты (ИДВ РАН, ИВ РАН, ИМЭМО РАН), вузы и т.д. Однако в целом сфера участия академических и иных неправительственных организаций в процессе выработки внешнеполитического курса имеет крайне ограниченный характер и продолжает сокращаться. Государство в лице соответствующих ведомств не стремится получить рекомендации и содействие «мозговых центров», не облегчает им становление и функциональную деятельность. Большую проблему составляет также доступ общественных организаций и научных центров к служебной информации по внешней политике и безопасности, который жестко ограничен в соответствии с Законом о государственной тайне. Выступления российских специалистов в СМИ по вопросам двусторонних политических отношений с Японией носят эпизодический характер, а крупные научные разработки, направленные на поиск путей решения назревших политических и экономических проблем этих отношений, фактически «положены под сукно».

Можно назвать несколько причин не востребоваемости национального научного потенциала. Во-первых, «кадровый голод»: молодежь не идет в науку прежде всего из-за низких заработков и, как следствие, низкого социального престижа ученых. Трудно было бы ожидать высококлассных научных разработок в условиях сниженной конкуренции, отсутствия духа творческой активности и созидательности в академической среде. Во-вторых, привлечение к процессу принятия внешнеполитических решений экспертных структур, альтернативных государственным, не поставлено на системную основу и носит скорее эпизодический характер. Ученых практически перестали включать в советы и комиссии, к выводам которых прислушивалось бы высшее политическое руководство, не говоря уж о правительственных делегациях, занимающихся практическими вопросами двусторонних отношений. В России фактически не сложилось разветвленного рынка продукции «мозговых центров», отсутствует соревнование различных подходов к международной проблематике. Субъекты внешнеполитической деятельности в лице МИД и иных министерств и ведомств предпочитают либо опираться на собственные силы, либо ждут указаний «сверху», прежде всего со стороны президентской администрации.

Ответ на вопрос, что же является главным в мотивации российского политического курса по отношению к Японии, зависит от большого многообразия факторов. Внешнеполитические приоритеты России на данном направлении, в основе которых лежат принципы прагматизма и реальной оценки имеющихся ресурсов, достаточно прозрачны: это обеспечение международной стабильности в АТР, защита дальневосточных границ, привлечение японского капитала в российскую экономику, вовлечение с помощью Японии российских регионов Сибири и Дальнего Востока в процессы экономической интеграции в АТР.

Президент на сегодняшний день является фактически решающим и безальтернативным фактором в механизмах формирования и реализации российской внешней политики. Он может позволить себе любые решения. В то же время отдельные министерства и ведомства, включая силовые, не имеют реальных конституционно-правовых и институционных возможностей вносить качественные изменения в российскую внешнеполитическую стратегию. Внешнеполитический процесс характеризуют размытость, неопределенность механизма формирования, а также закрытость, непрозрачность, неподверженность гражданскому контролю. С одной стороны, возможности академических кругов, политических партий и неправительственных организаций принимать участие в подготовке внешнеполитических решений становятся все более ограниченными, в то время как роль исполнительной власти продолжает возрастать. С другой стороны, многое зависит не от конституционных положений и формального разделения полномочий между отдельными субъектами внешнеполитической деятельности, а от расклада сил между многочисленными группировками в президентском окружении.

Точки зрения на Японию в российском политическом истеблишменте и экспертном сообществе

Имеющиеся в России стереотипы в отношении Японии можно условно разделить на три вида: «Проигравшее государство», «Хватит быть сателлитом Америки!» и «Германия на Востоке», а их носителей условно обозначить как «консерваторы», «реалисты» и «меркантилисты». Безусловно, в таком разделении присутствует элемент утрирования, но без него оказывается сложно понять природу российских сомнений и колебаний по японскому вопросу.

Первый из этих стереотипов касается итогов Второй мировой войны и прочно относит Японию к категории «проигравшего государства», которое должно себя вести на мировой арене соответственно своему статусу. Наиболее сильные позиции он имеет среди консервативной части российского политического класса, включая депутатов всех уровней, военных, дипломатов, журналистов, экспертов и части университетской профессуры. Данный взгляд опирается на широкие общественные настроения, в которых после крымских событий существенно усилился националистический компонент.

«Консерваторы» исходят из статуса России как страны-гаранта Ялтинско-Потсдамской системы и постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны. По их мнению, как проигравшая страна, Япония должна постоянно помнить об этом своем статусе, принимая его с покаянием и смирением. «Консерваторы» с известной долей алармизма воспринимают «реваншистскую», с их точки зрения, политику кабинета С. Абэ в сфере национальной безопасности, направленную на пересмотр конституции, ликвидацию пацифистских ограничений и активное военное строительство. Крайнюю степень негативных эмоций выражают они в отношении любых публичных форм территориальных претензий японских властей в адрес России. Наиболее радикальные сторонники этой точки зрения исходят из реальной возможности военного нападения со стороны Японии с целью силового решения проблемы островов. Например, М. Крупянко и Л. Арешидзе настаивают на том, что

«российское военное планирование должно исходить из худшего из возможных сценариев», особенно с учетом того, что «близость островов к японским берегам делает задачу их обороны весьма и весьма сложной» [3].

Приоритетность постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны и статуса Японии как «проигравшей стороны», на которой настаивают «консерваторы», в реальности означает жесткое следование линии «отсутствия территориальной проблемы» Москвы в диалоге с Токио. Любой компромисс, даже в духе Декларации 1956 года, по логике «консерваторов», имплицитно означал бы ревизию итогов войны и заложил бы бомбу замедленного действия под всю конструкцию послевоенных границ. Именно эта, ставшая за последние годы мейнстримом в российском политическом истеблишменте консервативная точка зрения генерирует наибольшую жесткость и неуступчивость Москвы в диалоге с Токио.

Второй стереотип – «Хватит быть сателлитом Америки!» – основан на предположении, что Страна восходящего солнца проводит излишне проамериканскую политику, не отвечающую ее национальным интересам, что Япония уже достаточно окрепла, чтобы избавиться в своих действиях от ежечасного контроля со стороны дяди Сэма, и что в своем подходе к России она должна занимать гораздо более самостоятельную позицию. Этот стереотип в большей степени распространен среди наиболее реалистично мыслящей части политологов и дипломатов, в меньшей – среди силовиков.

«Реалисты» особое значение придают различиям в национальных интересах Японии и США [4], апеллируют к «китайской угрозе» для Японии и к необходимости построения добрых отношений с Россией для нейтрализации этой угрозы, интерпретируют контакты на высшем уровне США с Китаем в конспирологическом плане, как попытку «поделить мир» за спиной Японии. «Реалисты» отвергают присущее «консерваторам» догматичное понимание итогов Второй мировой войны и иных вопросов исторического прошлого, исходя из сложившихся реалий постбиполярного мира, и проявляют понимание в отношении современной политики Японии в сфере безопасности, видя в ней естественное стремление Токио защитить свои национальные интересы перед лицом новых угроз. Они полагают, что Россия и Япония могут найти компромисс по территориальному вопросу, вернувшись к условиям Декларации 1956 года, и что конкретные условия этого компромисса могут быть выработаны, исходя из реалий, создавшихся на текущий момент.

Следует отметить, что после украинского кризиса, по мере усиления антиамериканского компонента в российской внешней политике, в российской политической элите стали возлагать надежды на Японию как на страну, поддерживавшую антироссийские санкции против своей воли, лишь из солидарности с Западом. Некоторые в России считают, что Япония сможет поспособствовать преодолению внешнеполитической изоляции Москвы. Объективно эти надежды являются выражением мнения «реалистов».

Третий стереотип – «Япония как Германия на Востоке» – исходит из необходимости максимальной деполитизации отношений с Японией, дистанцирования в отношениях с ней от любых сложных и конфликтогенных вопросов и опоре на то, что нас объединяет – на общие экономические интересы, основанные на способности России обеспечить Японию энергоресурсами, продовольствием и транзитными возможностями в Европу в обмен на

японские инвестиции и технологии. Поскольку тезис о «Германии на Востоке» отдает приоритет экономическим связям, которые, как предполагается, будут двигать российско-японские отношения вперед в долгосрочной перспективе, ее приверженцев можно условно отнести к «меркантилистскому» крылу политического истеблишмента, существующего во всех крупных экономических державах с ментально и политически осознанными интересами бизнеса.

Это наиболее радикально «прояпонская» точка зрения, которая исходит из неприемлемости российской политики односторонней опоры на Китай, таящей в себе риски превращения России в «северный улус» Поднебесной. По отношению к проблемам исторического прошлого «меркантилисты» полагают, что России и Японии следует строить свои отношения «с чистого листа», по возможности не вспоминая былые обиды. По их мнению, стоит только разрешить территориальный спор с Японией или хотя бы найти наиболее бесконфликтную формулу его замораживания на длительный срок, в Сибирь и на Дальний Восток тут же хлынут японские инвестиции и технологии, столь необходимые России в нынешней сложной экономической ситуации. Как подчеркивали сторонники этой точки зрения Д. Тренин и Ю. Вебер, обретение такого же, как Германия, партнера в лице Японии на Востоке принесет России очевидную выгоду во всех соответствующих областях: в сфере торговли, инвестиций, науки и техники, образования, здравоохранения, транспорта, контактов между людьми. Наличие «второй Германии» на Тихом океане, по их мнению, значительно укрепит положение России на мировой арене [6].

Данный стереотип получил некоторое распространение среди российского экспертного сообщества, бюрократии экономического блока правительства, бизнес-сообщества, а также либерального крыла политических сил. Следует констатировать, что практически никакого отклика в российском обществе эти взгляды не находят. Не находят они отражения и в практической политике России. Впрочем, по мере усиления кризисных явлений в российской экономике или появления серьезных проблем в отношениях с Китаем можно ожидать определенного укрепления позиций «меркантилистов».

Какой же из рассмотренных стереотипов имеет преобладающее влияние на российское руководство и на российского президента в частности? Однозначного ответа дать невозможно. Как представляется, цельного образа Японии и последовательной стратегии развития отношений с этой страной нет ни у российских лидеров, ни у российских организаций, занимающихся связями с Японией. Различные, даже взаимно исключаящие точки зрения могут парадоксальным образом уживаться в одном и том же субъекте внешнеполитической активности, включая российского президента.

Результирующий вектор заключается в том, что Россия пока воздерживается от шагов, ведущих к существенному ухудшению политических отношений с Токио, продолжает, несмотря на внутривнутриполитическое давление справа, диалог по проблеме мирного договора, занимает крайне осторожную позицию по вопросам современной военной политики Токио в сфере безопасности. Причина такого положения заключается в понимании того, что перегнув палку в деле критики «возрождающегося милитаризма», Москва опасается еще сильнее испортить и без того плохие отношения с Токио. Поддерживая принципиальный нейтралитет по сложным вопросам истории, стоящим на повестке дня в отношениях Японии с ее

странами-соседями, Россия таким образом старается держать открытой дверь для дальнейшей нормализации политических отношений с Токио, стремясь к тому, чтобы эти отношения не омрачались дополнительно ничем, кроме уже имеющейся проблемы границы.

Список литературы

1. Враждебность к США в России сохраняется. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/14/vrazhdebnost-k-ssha-v-rossii-sohranyaetsya/>
2. Казаков О.И. Об ухудшении российско-японских отношений в 2014 году. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=1
3. Крупянко М., Арешидзе Л. Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке // Восточная аналитика. 2011. №2. С.156.
4. Панов А.Н. Выступление на круглом столе в МГИМО 20 сентября 2013 г. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=2
5. Российско-Японский деловой совет избрал новое руководство. URL: <http://tpprf.ru/ru/news/rossiysko-yaponskiy-delovoy-sovet-izbral-novoe-rukovodstvo-i61631/>
6. Тренин Д., Вебер Ю. Тихоокеанское будущее России: урегулирование спора вокруг Южных Курил. URL: http://carnegieendowment.org/files/WP_VeberTrenin_web_RUS.pdf
7. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014). Статья 12, п.2. URL: http://www.smolinvest.com/upload/doc/fz_101-fz_15.07.1995.pdf

Поступила в редакцию 20.03.2016

Автор:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstr1@gmail.com

Russian Foreign Policy Towards Japan: Domestic Factors

D.V. Streltsov

The article analyses the domestic factors of Russian foreign policy towards Japan. The decision-making in this sphere is viewed in terms of the role played by various actors, and the points of view existing in today's Russia over the development of relations with Japan.

Keywords: Japan, foreign policy, President, the Ministry of Foreign Affairs, pressure groups, parliamentary exchanges, stereotypes, the political establishment.

Author:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com